

фантастическая
история

Книги Алексея Кулакова
в серии «Фантастическая История»

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...
ОРУЖЕЙНИКЪ
ПРОМЫШЛЕННИКЪ
МАГНАТЬ

Цикл
«Рюрикова кровь»
НАСЛЕДНИК
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Алексей Кулаков

Великий князь

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К90

Серия основана в 2010 году
Выпуск 115

Кулаков А. И.

К90 Великий князь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 376 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2229-6

Завершив свой жизненный путь в веке двадцать первом, пройдя сквозь боль, смерть и перерождение, наш современник обрел в новой жизни то, что желал больше всего. К чему стремился душой, о чем страдал сердцем, тянулся и тосковал... И пусть за окном ныне грозный и жестокий шестнадцатый век, где Русь только-только выкарабкалась из ямы долгой феодальной раздробленности и мир вокруг полон тревог и лишений. Пусть! Зато теперь у него есть настоящая семья, где его любят. А еще заботливый отец начал допускать своего наследника к семейному делу — тому самому, которым их род занимается вот уже почти шесть сотен лет. Войны и интриги, покушения на жизнь и предательство со стороны бояр и князей, тайные убийства и вполне себе открытые казни — одним словом, обычный семейный бизнес династии Рюриковичей на троне Московской Руси...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кулаков А. И., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2229-6

ПРОЛОГ

Молодой мужчина и юный недоросль лет этак четырнадцати-пятнадцати, схожие лицом так, как только и могут походить друг на друга родные братья, преодолели крутой подъем на крепостную стену славного города Тулы. После чего младшему тут же прилетел легкий подзатыльник.

— Опояску поправь!

Отвернувшись, мужчина небрежно ткнул рукой себе за спину, указывая на далекие дымы, пятнавшие чистое синее небо:

— Вон там завод, в пяти верстах от Тулы. — Покосившись на младшенького, ехидно предложил: — Любуйся.

Вскочив между зубцами, отрок жадно огляделся и с тихой досадой плюнул в сторону пары санного обоза с мороженой рыбой, как раз подъезжающего к воротной башне, — стена оказалась не такой уж и высокой, чтобы с нее уверенно разглядеть завод. Но все равно наперекор брату он уверенно подтвердил:

— Экая красотища!..

Дозорный, прогуливавшийся невдалеке от тонких ценителей прекрасного, споткнулся на ровном месте. Потому что, на его неприятный взгляд, государев литейный и кузнечный двор, отстроенный всего с год назад на левом берегу реки, иначе как нагромождением уродливых строений и назвать-то нельзя было!.. Вечная суэта мастеровых людишек, натуральные горы железной руды и древесного угля под навесами, вереницы телег, что эти горы пополняли под присмотром злых, словно цепные псы, стражников, и над всем этим резкий запах

большой кузни, от которого временами першило в горле и саднило в груди...

— А ну-ка от края отойди!

Правда, чего греха таить, были во всех этих переменах для горожан и хорошие стороны. Уклад¹, что выпускали царские плавильни, особым качеством не отличался и для выделки клинков не подходил, зато его было *очень* много, и для кузнецов и ремесленников «туляк» был прямо-таки неприлично (и непривычно) дешев. Еще одним приятным обстоятельством было серьезное увеличение численности городских стрельцов и порубежной стражи — степные людоловы вот уже второй год предпочитали искать добычу подальше от тульских мест. Такая легота дорогого стоила! Опять же и плавильни эти вонючие поставили так, чтобы дымили они исключительно в сторону от города, а не на него. Уж как только и исхитрились?..

— Насмотрелся? Пойдем теперь поснедаем, а потом я тебе завод изнутри покажу.

Проводив мужчину в кафтане царского розмысла² и поспевающего вслед за ним недоросля долгим взглядом, дозорный сплюнул и пробормотал:

— Ну-ну. Покажет он...

Надо сказать, что сомнения его были вполне обоснованны, и двух всадников на их коротком пути до завода остановили и проверили аж три раза. Да и в ворота, устроенные в высоком деревянном частоколе, пропускать совсем не торопились...

— Куда! Назад.

Увидев, как грозно шевельнулись острия бердышей, братья тут же остановились, после чего старший удивленно поинтересовался:

— Вы чего это? Никак меня не признали?..

— Тебя-то признали, Нафан Кондратьич. А вон его — нет.

Звучно и укоризненно шлепнув себя по лбу, личный ученик самого государя-наследника запустил руку в странную плоскую сумку на боку, называемую довольно чудно планшеткой.

¹ Так на Руси в XV—XVI вв. называли сталь. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Р о з м ы с л — инженер (на Руси XVI—XVII вв.).

— Вот.

— Так, что тут... За успехи в учебе наградить Захарку, сына Кондратия, поездкой на Тульский железодельный завод за казенный счет. Писано собственноручно в феврале года семь тысяч семьдесят четвертого от Сотворения мира¹. Две седмицы назад, стало быть? Гм!

Освидетельствовав дорожную бумагу с тисненными яркой кинноварью орлами и полюбовавшись на красивую и в то же время невероятно затейливо-сложную тугру² — подпись государя-наследника Димитрия Ивановича, старшей воротной стражи с неподдельным почтением вернул поистине драгоценный документ.

— Другое дело.

Подождав, пока служивые уважат их раскрытыми створками ворот (для менее дорогих гостей была узкая калитка), братья направились к самому большому из каменных строений — тому самому, из которого выростала высоченная громадина трубы.

— А ну постой, торопыга.

Придержав младшего брата на входе в литейный цех, опытный розмысл взял из расположенного тут же короба два небольших тряпичных сверточка.

— Помнишь про пыль вредную? Ну так надевай маску, да завязки потуже затягивай — не то с непривычки на кашель изойдешь. Да не той стороной надел-то! Вот теперь все правильно. Слушай сюда — от меня ни на шаг, под ногами у мастеровых не путаться, ни до чего без спросу не касаться.

Подождав, пока Захар послушно кивнет, родич рывком отворил дверь в раскаленное пекло:

— Вот теперь пошли.

Спустя полчаса дверь в литейный цех опять пришла в движение, выпустив на свежий воздух двух посетителей. Старший, если не обращать внимания на разводы пота на его лице, выглядел вполне достойно, а вот младший, с блестящим от со-

¹ То есть 1566 г. от Рождества Христова (далее — Р.Х.).

² Персональный знак-подпись правителя, содержащий его имя и титул. Со временем его полностью заменили печати и сложные рисунки на краях и в центре грамот.

ленной влаги личиком, дышал словно загнанная лошадь и хлопал ошалелыми глазами.

— Рассупонь одежду-то...

— А?!

— Эх тебя придавило!..

Расстегнув первые три хлястика на шубейке Захарки, брательник заодно избавил его от мокрой насквозь защитной маски, кинув ее вместе со своей в широкий короб — постирают, высушат, и они еще с дюжину раз к людской пользе послужат.

— Вот это да! Нафан, а как они там весь день? Это же... ужас прямо до чего жарко!

— Люди и не к такому привыкают, брате. Тем более это ты с непривычки сомлел, так-то оно все вполне терпимо. Вон видишь — стенные продухи?

Здрав голову вверх, недоросль оглядел странное окно — широкое, высокое, вот только вместо слюды в нем были установлены ровно оструганные доски, уже успевшие порядком почернеть. Причем установлены они были донельзя странно: не пластью, не кромкой, а как-то в наклон.

— Государь называл их жа-лю-зи. Запомнил? Доски-лопасти насажены торцами на штыри и при необходимости могут крутиться всяко. В цеху к ним приставлен особый мастеровой, кой следит, чтобы сквозь жалюзи всегда проходило как можно больше света и воздуха.

— А как их крутят?

— К каждой доске рычажок малый приделан, а рычажки, в свою очередь, к длинной планке, которая и заставляет их всех двигаться заедино с остальными. Также и в крыше цеха есть широкие продухи, которые при необходимости открывают или закрывают. Ну что, отдохнул? Тогда пойдем далее.

Осмотрев изнутри один из больших ветряков, с помощью которых приводилась в движение хитрая заводская машинерия, и мимоходом глянув на вмерзший в лед высокий обод водяного колеса (первого в длинном ряду ему подобных), Захарий деловито шмыгнул носом:

— А где пушки и ядра льют?

— Вон в том цеху...

Бздынь!

— За что?!

Молча поддернув рукав братниной шубейки, Нафан указал на черный и изрядно пахучий мазок дегтярной смазки. Дал полюбоваться на свой кулак, намекая тем самым *мелкому*, что подобного непорядка терпеть не будет, и как ни в чем не бывало продолжил:

— Но нам в него хода нет. Точнее, тебе нет, а я там ничего нового для себя не увижу.

— Но как же?..

— По указу великого государя доступ в казенные оружейные мастерские только по особливому списку. Всех остальных велено считать подсылами и лазутчиками и поступать с ними соответственно...

С коротким смешком розмысл поведал брату о том, что хотя Тула и считается крупным городом, но на самом деле она навроде большой деревни, в которой все про всех знают и излишне хитроумных чужаков очень не любят. Так что если какой гость города пытается что-то разузнать о государевом кузнечном и литейном дворе сверх общеизвестного, то о его любопытстве тут же доносят дьячку Сыскного приказа — со всеми вытекающими из этого последствиями. Подсылу быстрое знакомство с порубом и недоверчивыми дознавателями, а бдительному горожанину — от половины до трех четвертей имущества пойманного и изобличенного лазутчика.

— Так что язык держи за зубами и лишнего не болтай... Где ты там? Сказано же тебе, не отставай! Вот это называется «валки». Уклад, пока он еще не остыл, раз за разом пропускают сквозь них, словно тесто раскатывая до нужной толщины. Смотри, как раз новая полоса пошла!..

Очарованный творящимся прямо на его глазах действием, отрок едва не перестал дышать, наблюдая, как светящаяся от жара отливка раз за разом проходит сквозь теснины больших чугунных «колбас». Недовольно искрит, шипит, раздраженно плюется во все стороны темной окалиной и послушно изменяется, превращаясь из узкой красной ленты в широкую темно-багровую полосу.

— Опять сомлел, что ли?

— Нет, брате!

— Тогда ладно. Вон там еще один прокатный стан — пруты-кругляки разные выделявают. Встань-ка сюда. Видишь? Те канавки на валах называются ручьями, от самого большого калибра справа до самого мелкого на левом краю. Сначала заготовку прокатывают на самом большом ручье, потом на том, который рядышком — он малость поменьше... Ну, в общем, катают до нужного размера.

За следующий час младший брат царского розмысла вдоволь насмотрелся, как горячий уклад безжалостно плющат большими молотами, вырубая из листов разные непонятные штуки (хотя наконечники для стрел опознать все же удалось!). Гнут и многократно проковывают, закаливают и опускают, снимают кромку на больших точильных кругах...

— А это что такое, брате?

Нафан, к которому как раз подошел перебраться словцом-другим его бывший соученик Михаил, нехотя отвлекся от собеседника и бросил взгляд на довольно странно выглядевшую полосу уклада, ощерившуюся с одной из сторон частыми зубчиками.

— Ручки вон в те проушины приладят, зубцы заточат, и будет двуручную пилой. Самое оно деревья валить.

— А вон та? Тоже пилой?

— Тоже. Только для лесопильного стана — бревна на доски распускать.

— А это?

— Лом. Камень долбить или какому надоедливому почемучке по хребтине приложить!..

Отстав с расспросами от брата и понаблюдав, как дюжий коваль быстро сплющил один конец увесистого прута лопаточкой, а другой старательно заострил на манер копейного железка, Захар не выдержал. Оглянулся на старших, убедившись, что они полностью заняты беседой, быстро-быстро (пока его отлучку не заметили и он сам не передумал) подошел к груде стального «хвороста» и вцепился в один из ломов.

— Ух ты, тяжеленный какой!

Приподнял вверх, неловко махнул, примериваясь...

— Ой!..

— Ах ты неслух!

Бздынь!..

Вдобавок к правой ноге недоросля, на которую «удачно» попал плоским концом лом, пострадал и его затылок — от щедрой братской оплеухи.

— Тебе что сказано было! Ни шагу от меня, мастеровым не мешать, ничего без спросу не лапать!!!

Бздынь!..

— Да ладно тебе, Нафаня. Вспомни, как сам по дури да от излишнего рвения едва под брызги жидкого уклада не подставился?..

Благодарно взглянув на нежданного защитника, лучший ученик в своей группе тихо шмыгнул носом.

— Розог ему для памяти всыплешь, вот и все.

Благодарность из взгляда Захарки испарилась быстрее, чем капля воды в раскаленной печи.

— Ногу покажи. Да сапогними, дурило!!! Пальцами шевельни.

Оглядев нарождающийся синячище и помяв ступню, опухающую прямо на глазах, старший брат сплюнул и выдал заключение:

— Все цело.

Дернул рукой, едва удержавшись от отвешивания еще одного подзатыльника, и свирепо пообещал:

— Доберемся до постоянного двора, две дюжины горяченьких твоему заду пожалую!

Бывший соученик Нафана, ныне начальствующий над мастеровыми кузнечного цеха, весело расхохотался. А затем весьма многозначительно поглядел на сердитого розмысла:

— Ты это... в лекарскую избу его сведи.

— Уже отстроили, что ли? И кто там хозяйничает?

— Да сам-то лекарь пока не приехал — поговаривают, что будет какой-то докторишка иноземный, но как и положено, с тремя учениками из нашенских недорослей. А вот травница уже десятый день как болезных пользует.

Подмигнув молодому мужчине, его давно уже женатый ровесник вроде как равнодушно произнес:

— Боярышня Домна Дивеева в Туле самостоятельную практику проходит.

Слегка покраснев кончиками ушей, государев любимчик промычал что-то неопределенное. Затем покосился на брата и на полном серьезе задумался о мелком членовредительстве в собственном отношении, после коего он с полным на то основанием сможет встретиться с предметом своего тайного обожания.

— Но-но! Вот как выйдешь из моего участка, так и делай что хошь, а здесь и думать не моги!..

— Да не умыслял я ничего такого, успокойся.

А уши-то заалели еще больше... Чувствуя их предательский жар, личный ученик государя-наследника поправил шапку так, чтобы она села поплотнее, и быстро переменял тему разговора:

— Полосы уклада на хладноломкость¹ давно испытывали?

— Месяц тому как в последний раз. Уж как ни стараемся, а все равно не держат сабли из «туляка» доброго удара, и все тут.

— Мне Димитрий Иванович как-то объяснял, что это из-за избытка фосфора в металле. Значит, как покупали у шведов железо, так и будем покупать, только меньше прежнего. Плохо!

Михаил на это лишь неопределенно хмыкнул. Ишь ты, самого государя-наследника запросто так по имени-отчеству величает!

— Сам знаю, что плохо.

Быстро оглядевшись по сторонам, цеховой мастер понизил голос:

— Ты мне вот что скажи... Я тут слушок ухватил, что тех из наших, кто за Камень Уральский поедет, сразу по прибытии боярская шапка ждет. А вотчины на них такие отпишут, что иным удельным князьям впору...

— Слышал звон, да не знаешь, где он. Захарка!

Провинившийся отрок слегка дернулся всем телом и заранее вжал голову в плечи, не ожидая для себя ничего хороше-

¹ Склонность металлов к появлению (или значительному возрастанию) хрупкости при понижении температуры.

го — рука у брата была тяжелая, и на вразумляющие наказания он никогда не скупился.

— Поди-ка на свежий воздух.

Дождавшись, пока ковьялющий как беременная утка младшенький отойдет подальше, Нафан негромко заговорил:

— Не те, кто поедет, а те, кто на месте с уроком великого государя справится. Как первый уклад, или медь, или что иное им указанное в казну поставят, так и награда воспоследует. И насчет вотчин не завидуй: земли отмерят изрядно, да только пахарей на ней нету. Так что вотчиннику придется ехать назад, искать охотников до новой земли из черносошцев, да за свой счет везти их и обустраивать. Вот так-то!..

— А кто поедет, уже определили? Нафан, ты ж меня знаешь — похлопочи, а? Век твоей помощи не забуду!..

— Тебе что, в начальных¹ людях плохо? Лет десять послужишь, так и в дворяне выйдешь. И земляца тульская куда как добра, а там, за Камнем Уральским, лес валить надобно, корчевать пни да коряги, с голого места начинать.

— Зато там крымчаки — гости редкие, и сам себе голова буду!.. Нафан, скажи прямо: да или нет?

Подумав, молодой розмысл согласился. Отчего бы и не замолвить слово за соученика, раз от этого никакого вреда, а совсем даже наоборот, сплошная выгода?

— Да. Только и ты мне поможешь.

— Благодарствую!!! А помочь — так только скажи чем, а я уж расстараясь!..

С явным намеком покосившись вначале на ломик, а потом и по сторонам, влюбленный мужчина попросил содействия в организации встречи с глубоко запавшей в его сердце красавицей. Собственно, он бы и сам что-нибудь этакое утворил, но...

— Ежели сам поранюсь, Домна о том обязательно узнает.

— Вот ведь... дурная голова. Ну и? Хотя... постой.

Внимательно оглядевшись, начальник цеха остановил взор на лице возможного благодетеля. Вспомнил, как завидовал его

¹ В смысле — начальствующих.

успехам, а особенно статусу личного ученика, примерился к носу и спросил:

— Готов?

— Пстой, ты чего это удумал?..

— Н-на!

С легким хрустом немаленький кулачок Михаила «подровнял» выдающийся «клюдер» царевичева розмысла, заодно выбив ему на подбородок кровавую юшку.

— Ты-ы!..

— Ой да ладно, не благодари...

ГЛАВА 1

— Прочь с дороги!..

Воротная стража тверского кремля, откровенно скуцавшая и слегка потевшая в прикрытом сверху промасленными кожухами доспешном железе, резко встрепенулась.

— Бойся!..

А потом и вовсе напряглась, вслушиваясь в редкие повелительные окрики и дробный топот копыт. Но почти сразу же и расслабилась, еще издали распознав в троице запыленных всадников царских гонцов — вернее, одного гонца и двоих его охранников. На полном ходу пролетев воротную арку, посланцы великого государя одним своим появлением переполошили тверских бояр и дворовый люд, тут же начавший подтягиваться к усталой троице, но удовлетворить свое любопытство им так и не удалось. Так как вестник, узнав об отсутствии в городе наследника трона, ждать его в кремле не пожелал.

— Ишь!.. Похоже, дурные вести привез. Никак крымчаки большой ордой пожаловали? Али литвины зашевелились?.. А, старшóй?

Десятник воротной стражи отошел поглубже в тенек и лениво перекрестился:

— Типун тебе на язык!.. Или саблей помахать невтерпеж? Так я тебя на седмицу к постельничим сторожам могу пристроить — им лишнее чучело только в радость.

Моментально спав с лица, служивый рьяно замотал головой в отрицании. Потому что семь дней, с утра и до позднего вечера, заниматься воинским учением с постельничими означало помимо своего желания приобрести великое множество шишек и синяков, оставшихся от пропущенных ударов. Са-

бельных, копейных, кулачных. Постельничим-то хорошо, их сам государь-наследник в случае нужды целит, а простому стражнику такое счастье даже и близко не светит...

— Вот то-то же. А тебе чего?

Подобравшийся к десятнику подчиненный, по молодости лет еще не заимевший нормальной бороды с усами, что-то тихо спросил.

— Ну, положим, могу. И?..

Выслушав новый вопрос, а вернее даже просьбу, старшой воротной стражи удивленно покачал головой:

— Еще один дурило...

Меж тем гонец с сопровождающими добрался до указанного ему места, еще издали заметив редкую цепь воинов в черных кафтанах, а чуть попозже и яркое пятно белоснежных одеяний государя-наследника Димитрия Иоанновича. Приблизившись к внешнему кругу охраны, троица послушно остановилась при виде вскинутой руки сотника, а потом и вовсе спешила:

— Доброго здоровьичка, Петр Лукич!..

— И тебе, Сергей, не хворать. С чем пожаловали?

Достав из поясного кошелька небольшой тул, посланник повернул десницу так, чтобы было видно тяжелую печать алого сургуча. Моментально опознав оттиск личного перстня-печатки великого государя, сотник в ответ низко поклонился, но освободить дорогу даже и не подумал:

— Димитрий Иванович в полуденной молитве.

Это гонец уже заметил и сам — тринадцатилетний отрок царских кровей застыл на специально расстеленном для него коврике живой статуей, и только легкий ветерок время от времени шевелил тяжелые пряди его серебряных волос. Чуть-чуть ссутулившись и преисполнившись терпеливого ожидания, посланник из Москвы понятливо кивнул и отошел в сторонку, с умеренным любопытством оглядываясь по сторонам. А заодно пытаясь понять — отчего это старший из царевичей вдруг возжелал помолиться в чистом поле, преклонив колени в середине сочного и яркого пятна густой травы? Между прочим, границы этой странной полянки на диво точно охватывали дремучие заросли боярышника и крыжовника, причем кусты друг с другом не перемешивались, а росли этакими полукружьями,

оставляя узкие проходы с двух сторон. И не просто росли, а щетинились изрядным числом колючек и шипов — их было так много, что создавалось впечатление эдакого растительного «ежика». Удивленно хмыкнув, Сергей совсем было собрался обратиться за разъяснениями к сотнику, как его взгляд зацепился за стоящего в спокойном ожидании торгового гостя, чье имя было на слуху в стольной Москве. Многие завидовали Тимофею Викентьеву, богатству его, удаче да оборотистости, а более всего тому, что он первый нашел верную тропку к сердцу властного и молчаливого наследника престола, раз за разом кланяясь ему дорогими либерейными редкостями. Некоторые, прикинув количество серебра, что потратил на это дело купец, исходили завистливой желчью, а другие (те, что поумнее) чесали в затылках да искали его дружбы, ну или хотя бы приязни. Потому что водилось у Тимофея одно из тех драгоценнейших колец, что давали возможность напрямую обратиться к ослепительному великой благодатью целителю. И не просто обратиться, а с надеждой на излечение от чуть ли не смертельных хворей!.. Первое кольцо ходило лишь среди именитой знати, второе передавали меж детей боярских и мелких служилых дворян. Третье принадлежало сословию торговому, четвертое — духовенству, а пятое могло оказаться на пальце любого черносошного крестьянина... Ну или какого посадского или городского ремесленника. Причем все знали — любой, пытавшийся нажать на людском горе и нужде, будет лишен янтарного колечка. Можно было лишь передать его в дар, но никак не отнять, продать, обменять на что-то ценное либо каким иным способом потешить свою корысть. Исключение из этого правила было только одно — хитроумный купец своими постоянными подношениями так задобрил старшего из царевичей, что тот время от времени награждал его кольцами темного янтаря, являвшимися, если можно так выразиться, дарами разового действия. То есть носящий его мог рассчитывать на исцеление, но кольца при этом лишался. Вспомнив некоторые слухи насчет того, сколько именно серебра гость торговый просит с желающих приобрести кольцо, гонец кинул на него неприязненный взгляд и демонстративно сплюнул. Вот же упырь, на людской беде наживается!.. Этому сребролюбцу о душе бы по-

думать, а он вместо того всю канатные и ткацкие мастерские ставит, да иных купцов гостиной сотни щемит нещадно, продавая парусину чуть ли не дешевле конопля, из коей она соткана...

Услышав какой-то невнятный звук со стороны одного из охранников, Сергей глянул в его сторону и тут же ощутил, как его пронизал словно бы теплый ветерок, забравший с собой накопившуюся усталость. Резко выдохнув, гонец буквально прилип взглядом к фигуре рослого отрока, который как раз одним плавным движением поднялся на ноги. Перекрестился, завершая молитву, привычным жестом откинул тяжелые пряди живого серебра назад и запрокинул красивое лицо к невозможной синеве бездонного неба...

— Теперь-то можно, Петр Лукич?

— Нет.

Постояв немного, наследник великого государя медленно двинулся вдоль колючей боярышниковой «изгороди», время от времени легко касаясь ее листков. Достав небольшой кинжал, с заметным усилием срезал не особо толстую ветку, повертел ее в руках и разочарованно отбросил прочь, после чего повторил все свои действия в отношении зарослей крыжовника, только на сей раз вместо чувства разочарования на его лице проявилось явное недовольство. Вернув клинок в ножны, тринадцатилетний Рюрикович сложил руки за спиной и прогулочным шагом вышел из пятна буйной зелени, находясь при этом в легкой задумчивости. Чем ближе он подходил, тем сильнее чувствовалась исходящая от царственного отрока благодать — в груди разгорался невидимый огонь, тело наливалось силой и невероятной жаждой движения, а восприятие обострилось так, что...

— Гонец.

Опомнившись после незаметного тычка в спину (спасибо сотнику!), мужчина согнулся в искренне-низком и отчасти благоговейном поклоне, одновременно протягивая вперед изящный кожаный тул. Внимательно оглядев затейливый оттиск единорога, выдвинувшийся на алой капле сургуча, царевич легонько нажал ухоженными пальцами на печать, безжалостно

ее ломая. Вскрыл футляр, вытянул на свет божий плотную бумагу, развернул и почти сразу изогнул бровь в удивлении:

— Хм?..

Скрутив обратно грамоту с родительским посланием, царевич на краткое мгновение задумался:

— Пока отдыхай. Ступай.

Дождавшись, пока мужчина в красной шапке отдалится на пару-тройку саженой, Дмитрий перевел взгляд на сотника своей охраны и вместо долгих разговоров вручил ему отцовское письмо. Лишний раз подчеркнуть свое доверие, а заодно прилюдно честь немалую оказать — опять же и языком трепаться не надо.

— Великое посольство Литовское... Через двадцать дней будет в Москве. Никак литвины новое перемирие желают устроить?..

— То лишь батюшке ведомо. Выезжаем поутру, налегке и поедем через Гжель.

Постельничий боярин всей своей фигурой постарался изобразить немой вопрос, желая прояснить столь странный выбор пути в Москву.

— Раз уж так все сложилось, то грех упускать возможность осмотреть новые мануфактуры и фаянсовый завод.

Понимающе поклонившись, старшой царевичевой стражи отошел к ожидающим его распоряжений десятникам, а освободившееся место занял сребролюбивый купец Тимофейка, держащий в руках малый отрез некрашеной шерстяной ткани.

— Получилось, государь-наследник, как есть получилось!..

Наблюдая, как руки царевича пристрастно мнут и растягивают довольно тонкое полотно, торговый гость горделиво улыбался. С гарусом¹ фламандской или испанской выделки его ткань, конечно, не сравнится. А вот с той, что делают в королевстве Польском, — очень даже! И шалон² у его ткачих тоже вполне хорош выходит. Вот только с льняным атласом пока-

¹ Шерстяная ткань для пошива платьев.

² Плотная шерстяная ткань, из которой шилась верхняя одежда.

мест беда — никак не получается, проклятый... Ну да ничего, со временем да божьей помощью и это дело сладится!

— Славно.

— А с той шерсти, что похуже, кошмы¹ делаем да валенки потихоньку катать начали. Хорошая обувь получается — теплая да легкая. Красивая опять же.

Слегка отвернувшись, Тимофей едва слышно пробормотал:

— Жалко только, что дешевая.

Не обращая никакого внимания на стенания самого крупного русского производителя канатов и парусины (после казенных мануфактур, конечно), его тринадцатилетний покровитель и некоторым образом компаньон аккуратно свернул отрез ткани в небольшой сверточек.

— Очень хорошо.

Разом просветлевший ликом мужчина поклонился, пряча по-детски счастливую улыбку. А разогнувшись, уже был привычно серьезен:

— Государь мой... Семь гостей торговых Суrowsкого ряда, да с полторы дюжины купцов гостиной сотни не раз уже интересовались, не желаю ли я собрать товарищество, дабы купно² вести все дела торговые. Я на то обещал подумать.

Вместе с последними словами Тимофей медленно вытянул из поясного кошеля несколько сложенных вчетверо листов бумаги. Медленно — потому что быстрые или суетливые движения стража очень и очень не любила. Вплоть до крепкой оплеухи или быстрой подсечки с последующим заламыванием рук — так, на всякий случай.

— Вот.

Быстро пробежав по именам достойных негоциантов и слегка задержавшись на суммах, которые они намеревались вложить в устройство новых ткацких и канатных мануфактур, Дмитрий с некоторым удивлением констатировал, что некоторые старомосковские торговцы имеют просто-таки уникаль-

¹ Войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

² Старорусское слово, означает — вместе, заедино.

ный нюх на возможную прибыль. Да и такое слово как «монополия» им явно интуитивно понятно...

— После долгих размышлений ты решишь, что товарищество — дело хорошее. О том, как все будет устроено, узнаешь через двадцать дней, когда я буду в Москве. Сам же до того времени подумай, откуда возьмешь новых людишек на ткацкие станы и просаки¹ и где надо поставить под них новые амбары. А лучше не просто подумай, но и сделай роспись потребного.

— Все исполню, государь.

Подманив одного из чернокафтанников, царевич отдал ему сверточек ткани и едва заметным жестом отослал прочь.

— Как твои сыновья?

— Радуют. Елпидия хочу в этом году вместо себя в плавание до Антверпена отправить — чтобы себя показал да на Фландрию поглядел. А у Калистратки недавно последний молочный зубик прорезался... Уж такой он у меня непоседа!..

С тщательно скрытым пониманием поглядев на счастливо-го отца, наследник престола московского чуть склонил голову и тихо произнес:

— Я очень доволен тобой, Тимофей, сын Викентия. А значит, мне должно наградить тебя за верную службу.

Синие глаза начали потихоньку наливаться небесным огнем.

— Помня то, что ты сделал, я позволю тебе самому выбрать награду. Говори.

Купец, слегка пригнувшийся от мягкого, но вместе с тем вполне ощутимого давления, без промедления приложил ладонь к сердцу:

— Служить тебе, государь, вот моя награда.

Миг-другой и ощущение благодати, исходящей от тринадцатилетнего целителя, бесследно исчезло. Вместо этого с легкой усмешкой в голосе и искрами смеха в глазах государь-наследник Димитрий Иванович задумчиво протянул:

— Ну, раз тебе третий сын не нужен...

¹ Станок для изготовления канатов.

Заседание Думы боярской в первый день июня года от Сотворения мира семь тысяч семьдесят четвертого проходило непривычно бурно. Как, впрочем, и пять предыдущих — ну так и вопрос того стоил! Воевать с Великим княжеством Литовским дальше или же склонить слух к предложению доброго мира? За первое были неоспоримые успехи русских полков, неизменно громивших литовскую шляхту и немногочисленных наемников. Воеводы, распробовавшие притягательно-сладкий вкус побед и жаждавшие военной добычи. Купцы, почуявшие леготу для своей иноземной торговлишки да избавление от части пошлин и поборов. А также часть бояр, коих великий государь обошел плодороднейшими полоцкими землями, испоместив¹ там служилых дворян и отличившихся воев из числа детей боярских. Кстати, новоявленные землевладельцы тоже были за продолжение войны — потому что одним из условий мирного договора с литвинами был возврат честно завоеванного Полоцка. Только-только устроились на земле, почувствовали себя хозяевами и на тебе...

— А я говорю, Риги нам не видать!

— С чего это? Кто что взял, того и будет!..

Два боярина свирепо бодались взглядами, воинственно сжимая кулаки.

Бумц!

Тяжелый посох головы боярской Думы Бельского, стукнувший в пол, слегка охладил накал страстей:

— Говорим по одному, да не забывая о вежестве. Василий Михайлович Юрьев?..

Степенно огладив седую бороду, думной боярин мельком покосился на царя, внимательно слушающего каждое произнесенное в Грановитой палате слово:

— Через Ригу проходят почти все торговые пути Великого княжества Литовского. Да и у королевства Польского в этом городе немалый интерес — по Двине-реке у них большая часть зерна и леса на продажу в иноземные страны плывет. Кто же такое отдаст в чужие руки?

¹ То есть наградив земельным участком определенного размера — поместьем.

Переждав согласный гул своих сторонников, дальний родственник правящей династии солидно откашлялся и продолжил:

— И Полоцк им для того же нужен.

Бумц!

Намекнув уже открывшему было рот противнику-собеседнику Василия Михайловича на соблюдение порядка, голова боярской Думы покачал увесистый посох в руках. Как жаль, что нельзя им треснуть по маковке некоторым особо крикливым неслухам!

— А вот Ревель они нам отдадут, ежели, конечно, мы его у шведа сами сможем взять. И Выборг. А весь север Ливонии и так уже под нами. За остальное же можно, и даже *нужно*, побороться. Я за крепкий мир и дружбу с литвинами!

Что началось после этих слов! Если бы не присутствие великого государя и его наследника, иные бояре и в бороды своим соперникам вцепиться не постеснялись бы, и кулаками по бокам их отходить. Потому что уж больно заманчивы были предложения послов — взять да и разделить земли Ливонского ордена между Русским царством и Великим княжеством Литовским. По-соседски так... И по принципу — кто какую землю успел занять, тот ею и владеть будет. А ту часть Ливонии, что уже успели взять под себя шведы, предлагалось совместными усилиями освободить от их нежелательного присутствия и опять же мирно поделить.

— Да ты никак позабыл, что Ревель есть город-порт? И Выборг тоже. А?! Их без кораблей брать — только зря силы да время тратить. Али ты войско по воде аки посуху погонишь? Умник.

— Корабли можно и у Дании попросить!

— Так они тебе их и дали...

— Так и дадут! У них со шведами война, так что полдюжины кораблей для такого дела всяко наскребут. И Любек ганзейский чем-нито поможет, им шведы всю торговлишку с нами рушат. Они же не полные дурни — такую возможность упускать? Не то что некоторые...

— Что ты сказал, пень трухлявый?!

— А ну руками не замай!

Бумц! Бумц! Бумц!

Разгоревшийся словесный поединок, едва не перешедший в выяснение отношений на кулаках, сначала утихомирил Бельский, а окончательно потушил сам великий государь, с явным недовольством шевельнувшийся на троне:

— Что скажет Вяземский?

В установившейся тишине князь встал и благодарно поклонился своему повелителю:

— Сама по себе Литва против нас жидковата будет, а Жигимонт Август по сей день не объявил посполитое рушение¹. За нами же — ни одного поражения. Зачем делиться, когда можно взять под себя всё?..

Согласные шепотки части думцев тут же слились в тихую волну поддержки воинственного оратора.

— Со шведами у нас договор мирный, а Рига куда как лучше Ревеля будет, и уж тем более Выборга. Возьмем ее, и тогда вот где у нас Литва с Польшей будут!

Царский ближник весьма выразительно сжал пальцы в жилистый кулак.

— Чуть что не по-нашему, враз торговлишку им задушим! Держава Московская с того будет становиться сильнее, а они начнут потихоньку слабеть — что может быть лучше? А как укрепимся в Риге да на Ливонских землях, можно и о Ревеле подумать. Я за войну, великий государь.

Бумц!

Думные бояре, вздумавшие было высказаться в поддержку Вяземского, нехотя умолкли.

— Тебе слово, Хворостинин.

Молодой и не шибко родовитый, но отлично проявивший себя воевода пружинисто вскочил на ноги и низко поклонился — сначала Иоанну Васильевичу, а потом и его наследнику Дмитрию Иоанновичу.

— Воюем мы хорошо, это правда. И Ливонию под себя взять можем, и это тоже правда. Только не вся. Вои русские сильны и храбры, но вот по части доспехов и доброго оружия мы литвинам уступаем. У нас дети боярские в тягиляях и коль-

¹ Военная мобилизация польской и литовской шляхты.

чужках, а у них вся шляхта в бахтерцах и пансырях. Да таких, что не враз и саблей возьмешь! В огненном бое также — пока до сшибки дело дойдет, они из пистолей чуть не весь первый ряд из седел вышибают! Так что победы наши немалой кровью оплачены.

— Все плохо, все умрут, хе-хе...

Проигнорировав тихий шепоток-насмешку, Хворостинин продолжил отвечать:

— Пока мы бьем литвинов, к землям Ливонским присматриваются соседние державы. И если Швеция с Данией заняты длящейся меж ними распрей, то королевству Польскому ничто не мешает двинуть свои полки на нас. А под такое дело и крымчаки пожалуют — поди Жигимот найдет, чем хана на большой набег сподвигнуть.

— Верно! Мы и сами так делали, когда Казань да Астрахань воевали!

Бумц!

В боярских рядах вновь воцарилась тишина.

— Слово мое таково: заедино с Литвой повоевать всю Ливонию да миром ее разделить. Одна сплошная выгода получается: и шведов в море скинем, и с датчанами отношения улучшим. А если Жигимонт Август что недоброе удумает, так против того литовская шляхта встанет, хотя бы из боязни потерять новые земли. Но даже если и не встанет — с одной державой воевать куда как сподручнее, нежели супротив четырех. Я за мир, великий государь!

Вновь поклонившись правителю и его наследнику, воевода Хворостинин сел обратно на скамью, а Иоанн Васильевич, с некоторой рассеянностью поглядывая на бояр, ненадолго задумался. Затем кивнул, словно бы с чем-то соглашаясь, и вызвал следующего оратора:

— Князь Михаил Иванович Воротынский. Что скажешь?

Без особой спешки вздев себя на ноги, родовитый боярин отвесил неглубокий поклон в сторону трона, после чего повернулся к собратьям по думской скамье. Им кланяться не стал (вот еще!), вместо этого степенно огладив начинающие сесть бороду и усы.

— Вот тут говорят, что надобно воевать. Дело хорошее, не спору. Землица там неплохая, да и добыча... кхм. Только у меня два вопроса. Первое — откуда взять новых воев взамен пораненных и убитых? Тульские, рязанские да и прочие порубежные помещики с ранней весны и до поздней осени супротив ногаев и крымчаков заслон держат. Да в степь дозорами ходят, да строительство новых засечных черт охраняют. Поверстать их Ливонию воевать?.. Можно. Только степные людоловы сразу о том проведают, а они в последнее время меньше чем в три-пять тысяч сабель в набеги и вовсе не ходят. Отучили мы их, с божьей помощью, считанными сотнями-то налетать.

Великий князь на это заявление благосклонно кивнул, и один из основных авторов нового Устава о станичной и порубежной службе¹ тут же огляделся по сторонам — все ли то видели?

— И второй вопрос. Чтобы дальше с Литвой воевать, серебро надобно. Сами ведаете, в казне ныне пустовато. Амбары хлебные по городам строим? Строим!.. Избы лекарские и аптечные опять же. Сразу три засечных черты, да к ним две дюжины малых крепостиц, да четыре городка. В Сибири острожки ставим? Пушечный приказ на выделку орудий из тульского чугуна переводим?

Михаил Иванович чуть помолчал.

— Нет, конечно, можно собрать новые полки из посошной рати, но толку с них супротив литовской и польской шляхты... Плетьми разгонят. Так что воевать-то можно, да вот только не на что. И некому.

Оглядев как своих сторонников, так и не согласных с ним противников мира, старый князь слегка напоказ поманил к себе одного из думских писцов:

— Мыслью я, пора бы уже и замирился с Великим княжеством Литовским, хотя бы и ради другого, очень важного дела.

Приняв у писца тоненькую книжицу в невзрачном переплете и небрежно покрутив ей перед боярами и окольниковыми, Воротынский пояснил свое заявление:

¹ Первый полевой устав русских войск, включавший в себя и организацию пограничного охранения.

— Вот тут прописаны все набеги степняков, даже самые малые, а также исчислен весь разор, что они учинили. Одних только душ православных в полон увели два раза по сто тысяч, да втрое больше посекали и стрелами побили, пока захватывали и на рабские рынки вели! Скотины домашней, рухляди, иного прочего... А сколько пожгли-попортили? Да если все на серебро перевести, хватило бы по всей Москве копийками улицы замостить!.. По всей Руси у церквей купола вызолотить! Ров с валом и частоколом поперек всего Крыма поставить!!!

Тряхнув книжицей в последний раз, Михаил Иванович бросил ее обратно писцу и продолжил, не обращая внимания на поднявшийся шум:

— Вот с кем воевать надо, вот от кого беречься.

Следом за ударом посоха прозвучал и голос думского головы:

— Тих-ха!

Ничуть не удивленный (или хотя бы заинтересованный) непонятно откуда взявшимися подсчетами и росписями, царь внимательно оглядел две дюжины думных бояр и дворян, а посевший на порубежной службе князь подвел черту под своей речью:

— Можно воевать, но года этак через два-три, когда под защитой новых засечных черт распашем много хорошей земли. Раненые выздоровеют, взамен убитых подрастут новые вои, оружия и припасов впрок заготовим, серебра поднакопим. А уж там... Я за мир, великий государь!

Едва заметно качнув головой, увенчанной тяжелой шапкой Мономаха, царь явно напоказ задумался — и, пользуясь этим, тут же оживились противники Воротынского. Особенно громко проявил себя Петр Иванович Шуйский, вполголоса поинтересовавшийся у главного порубежника царства Московского: где же это он взял такую книжицу со столь забавными измышлениями? И нельзя ли и ему, Шуйскому, в том же самом месте прикупить свежих побасенок?

— Сказки¹ эти, Петр Иванович, писаны дьяками Разрядного, Земского и Поместного приказов для государя-наследника

¹ Вполне официальный термин на Руси XVI в., производное от слова «сказывать, рассказывать». То есть отчеты путешественников, разведчиков, дипломатов, очевидцев каких-либо событий.

Димитрия Иоанновича. А вот цифирь касательно потерь от степных набегов исчислял он сам, и коли ты этому не веришь, али нашел ошибку какую, так сделай милость, поправь?..

Невольно дернув подбородком, Шуйский поперхнулся заготовленными вопросами и потерял всяческий интерес к обсуждению книжицы. Зато его моментально приобрели все остальные — даже те, кто и не думал после окончания боярской Думы попросить оную почитать. Потому что первенец великого князя уже успел показать себя большим умником — не в последнюю очередь благодаря тому, что все его подсчеты-расчеты неизменно оказывались верными. Что в цифири, что в устройстве разных заводов и прочих новых дел...

Бумц!

Тактично напомнив всем присутствующим о порядке, Бельский вновь замер, а царь, «прекратив» размышлять, перевел взгляд на еще одного своего верного сторонника... может быть. Потому что в последнее время завелись у правителя некоторые сомнения в той самой верности...

— Андрей Михайлович?..

Князь Курбский долгих речей держать не стал, высказавшись коротко и по существу:

— Я за войну, великий государь.

Как вскоре оказалось, кардинально противоположной позиции придерживался окольный Петр Головин, чей род исправно поставлял московским владыкам надежных и умелых казначеев. И князь Мстиславский, давно уже поддерживающий своего государя во всех его решениях и основные трудности испытывающий лишь в том, чтобы правильно угадать пожелания своего повелителя.

— Что скажет Горбатый-Шуйский?

Едва заметно поклонившись трону, князь Александр оглядел своих сотоварищей-бояр. Кланяться он им и не подумал — его род всего лишь на ступеньку ниже московской династии, и не ему гнуть спину перед всякими там худородными.

— Думаю, великий государь, надо отдать Полоцк литвинам обратно. Город разорен, людишек в нем изрядно поубавилось, а мастеравые из него давно уже в иных местах обжились. Но отдать надобно не запросто так, а в обмен на добрые земли.

Хотя бы те, где стоят городки Усвят и Озерище — хорошая мена выйдет!

Столь глубокую заботу о пользе государственной князь проявлял не зря. Из земель вокруг Полоцка ему не досталось и малой пяди, а добыча с полоцкого похода уже давно нашла приют в его сундуках. Пора было смотреть в будущее!.. Которое явно было за Ливонскими землями (уж там-то он своего не упустит!) и добычей с Ревеля и Выборга. Да и в Риге был хороший шанс чего-нибудь ухватить — вряд ли литвины откажутся от небольшой военной помощи.

— Я за мир, великий государь.

Вновь «задумавшись» о пользе своей державы, Иоанн Васильевич выдержал долгую паузу, затем внимательно оглядел думцев, особое внимание уделив Шуйским, ратующим за продолжение свары... Что ж, благодаря светлой голове своего первенца, у правителя было достаточно «кнутов» и «пряников» для того, чтобы направить боярство в нужном царю направлении.

— Порешим о перемирии позже, еще раз хорошенько все обдумав и взвесив возможные пользу и вред.

Набольшие люди царства Московского тут же согласно загудели: действительно, негоже было решать все второпях. Всего-то десятый день обсуждение идет, куда спешить?.. Как раз будет время склонить на свою сторону тех, кто пока еще колебался в сомнениях. Да и уяснить не мешало бы, чего же на самом деле желают сам государь и его наследник.

— Пока же есть два дела, в разрешении которых мне нужен неотложный совет.

Родовитые тут же встрепенулись, умолкая.

— Первое дело.

Подхватив со стоящего рядом с тронном малого поставца свиток, великий князь небрежно повертел его в руках.

— Людишки розмысловые и рудознатцы, коих воевода Бутурлин разослал по землям Камня Уральского и царства Сибирского, отыскивали богатую медную руду.

Гу-у!!!

Новость была куда как хороша, потому что до сего дня не было у Руси своей меди, причем от слова совсем. А тут!..

Бумц!

В моментально наступившей тишине хозяин державы продолжил, старательно давая насмешливую улыбку:

— А по берегам реки Миасс нашлось и самородное золото. Что присоветуете, бояре?

В этот раз голове Думы пришлось изрядно поработать посохом, добиваясь тишины, — уж больно возбудились государственные мужи от таких новостей.

— Второе же дело касается устройства казенных хлебных амбаров.

Родовитые тут же поскучнели, а троица князей так даже и моментально загрустила. Допустивший на сегодняшнем заседании изрядную промашку Петр Иванович Шуйский, явно бодрящийся Иван Андреевич Шуйский и сильно похудевший в последнее время Федор Скопин-Шуйский совсем не рады были царскому вниманию. Потому что не ждали от одного ничего для себя хорошего. Зато явственно встрепенулся молчавший до того митрополит Московский и всея Руси Макарий, а вслед за архипастырем проявил заинтересованность и государь-наследник Димитрий Иоаннович.

— Из тридцати пяти к назначенному сроку будут полностью готовы лишь осмнадцать. Еще три достроят чуток попозже. Остальные же...

Новый свиток перекочевал с поставца в сильные мужские руки.

— Только ямы под основания и откопали.

Отбросив бумагу обратно, царь сжал резные подлокотники трона и с пугающей мягкостью в голосе осведомился:

— И как же это понимать?..

Стольник и кравчий великий литовский, каштелян трокский, староста белзский, ошмянский и пуньский, а также глава Великого посольства Литовского Юрий Ходкевич слегка нервничал. И одновременно был преисполнен крайнего любопытства. Разумеется, подобная двойственность чувств у опытного воина и политика имела под собой очень веские основания, и первым из них были верные сведения о бушевавших в боярской Думе прениях между сторонниками мира и приверженцами войны. Кто возьмет верх, пока было неясно — осо-

бенно из-за того, что сам великий князь Московии еще ничего определенного не решил. Это литовского дипломата одновременно и тревожило, и давало определенные надежды: если бы государь московитов твердо хотел войны, то предложения мира отвергли бы сразу. Или нет? Ведь если подумать, то царским войскам тоже не помешало бы небольшое перемирие, дабы подтянуть свежие силы и основательнее укрепиться на захваченной земле.

— Стой.

Вторым же основанием, вернее причиной крайнего любопытства, был царевич Димитрий. Какие о нем ходили слухи!..

— Оружие!..

Недовольно нахмурившись, родовитый магнат¹ земли Литовской невольно покосился на свое сопровождение, держащее на руках широкие серебряные блюда с дарами. Но все же послушно (и даже без малейших пререканий!) снял с себя оружейный пояс, одновременно наблюдая за тем, как его особо доверенных слуг быстро обыскали. Нет, конечно же глава Великого посольства мог и возмутиться подобным гостеприимством... Но тогда аудиенции ему не видать как своих ушей.

— Прошу.

А увидеть того, о ком ходило просто дикое количество сплетен и совсем уж невероятных побасенок, хотелось весьма сильно, особенно в свете того, что сам Юрий Ходкевич был очень верующим человеком. Правда, с точки зрения католической церкви — не вполне хорошим христианином, ибо исповедовал лютеранскую ересь. Но ведь для юного православного царевича это обстоятельство должно было быть несущественным? Ему что католики, что лютеране, что кальвинисты — все без разницы, все на одно лицо. Или все же нет? Отбросив несвоевременные сомнения, каштелян трокский вошел в распахнутую перед ним дверь, мимоходом огляделся и... замер, пораженный прямо в сердце, потому что зеркало, которое он

¹ В Польско-Литовском государстве так называли вельмож, духовных и светских сенаторов или государственных советников (радные паны) и знатнейшее шляхетство.

увидел, было просто чудовищно больших размеров. В человеческий рост!!!

— Езус Кростос!..

Недоверчиво огладив гладкий подбородок и длинные усы, мужчина вгляделся в невероятно чистое отражение, в первый раз за всю жизнь так четко видя себя со стороны. Редкие нити седины в волосах, заметные морщинки вокруг глаз, волевой и властный взгляд, гордая осанка... Ставшая еще заметнее и горделивее.

— А ну пшел...

Напомнив сквозь зубы слуге, позабывшему все на свете при виде такой диковинки, его место (ишь что вздумал, рожу свою в зеркало совать!), родовитый шляхтич привычно хватнул ладонью воздух рядом с левым бедром и тут же вспомнил, что верная карabela осталась в руках дворцовой стражи. С некоторым трудом оторвавшись от своего отражения, достойный представитель рода Ходкевичей продолжил путь, успев подметить усмешку провожатого.

— Радный пан¹ Юрий Ходкевич к государю-наследнику!..

Неторопливо проговаривая все положенные слова приветствия, мужчина откровенно разглядывал хозяина покоев, сразу же отметив для себя, что в одном слухи точно не врали — наследник престола московского был очень красив. Даже слишком красив! Нежная кожа лица и рук, аккуратно расчесанная грива серебряных волос, ровные и явно УХОЖЕННЫЕ ногти... Ха, да если бы не мужские одежды, царевича можно было бы перепутать с царевной!..

— Нравлюсь?

Опомнившись и растерянно кашлянув, радный пан легко поклонился, скрывая тем самым возникшую неловкость. А затем и вовсе ненадолго отвернулся, подзывая одного из дворцовых служек (интересно, а куда это делись его слуги?..) с блюдом, на котором лежал первый дар:

— Сие чудо, государь-наследник, родилось в испанском Толедо и проделало немалый путь...

¹ Р а д а — высший орган государственной власти в Великом княжестве Литовском, в ее состав входили наиболее влиятельные должностные лица государства, католические епископы и крупнейшие землевладельцы. Радные паны соответственно — аналог думных бояр.

Взяв в руки затейливо изукрашенный пояс, он слегка напказ надавил на один из рубинов рядом с пряжкой довольно несуразного (и малость потертого) вида.

Щелк!

И в руках литовского вельможи оказался уже и не пояс, а тяжелая шпага в богатых ножнах. Наполовину вытянув клинок, блеснувший золотистыми коленцами булата (и подметив краем глаза, как к нему шагнула дворцовая стража), он с небрежной гордостью добавил:

— С равной легкостью рубит и шелковый плат, и добрую кольчугу.

Вернув шпагу-пояс на блюдо, Юрий Александрович с немалым огорчением увидел, что его дар совсем не заинтересовал тринадцатилетнего царевича. Неужели в нем нет извечной мужской тяги к красивому оружию? К тому же немалой редкости и возрастом едва ли не в сотню лет! Впрочем, никак не выразив охватившее его разочарование, столтник и кравчий великий литовский подозвал к себе второго служку с блюдом:

— Позвольте также поднести вам несколько книг.

Вот теперь магнат подметил все признаки явного интереса, отчего тут же слегка приободрился и продолжил вещать:

— Первая и вторая есть древние исторические хроники, третью же сравнительно недавно написал Сигизмунд Герберштейн...

— Как же. Довольно забавное произведение эти его «Записки о Московии».

Замолчав, но ничуть не обидевшись на то, что его перебили, глава Великого посольства проследил, как лежащие на блюдах книги уплывают по направлению к хозяину покоев. У которого сквозь высокомерное равнодушие наконец-то проступил легкий интерес, а значит, гость все делает более чем правильно!..

— Сочинение декана капитула собора Святого Вита в Праге Козьмы Пражского, поименованное «Чешскими хрониками»¹. Год тысяча сто девятнадцатый от Рождества Христова.

¹ Первая хроника на латинском языке, в которой была последовательно и относительно полно изложена история Чехии.

Бережно вернув первый из трех потрепанных томов на блюдо, красивый юноша взял следующий исторический труд (тоже, кстати, представленный тремя книгами, причем заметно большего размера):

— «Хроники и деяния князей и правителей польских»¹. Составлено скромным бенедиктинским монахом Галлом в году от Рождества Христова одна тысяча сто двенадцатом.

Еще один слух о царевиче получил свое подтверждение, ибо современную латынь знали многие (собственно, почти вся шляхта и немалая часть русских бояр), а вот бегло читать на старой латыни удавалось только монастырским грамотеям, и то далеко не всем. Тем временем, небрежно повертев в руках творение австрийского барона и дипломата фон Герберштейна, наследник отчего-то сильно им заинтересовался:

— Кто выбирал дары?

— Я сам, государь-наследник.

Одним лишь взглядом услав вон служек и двух из четырех стражей, царевич медленно пролистал «Записки о Московии».

— Хороший выбор... Хм, несколько страниц слиплось. Видимо, кто-то пил пиво во время чтения?

В первый раз за все время аудиенции улыбнувшись, юноша жестом предложил гостю приблизиться и сесть, одновременно с этим начав листать «Чешские хроники».

— Опять эти страницы!..

Вновь улыбнувшись, тринадцатилетний любитель книг спокойно попросил:

— Радный пан, вы мне не поможете?

Недоумевая от такой прихоти, Юрий Ходкевич бережно разделил пожелтевшие от времени пергаментные листы. Кстати, последние такой разлуке заметно упрямилась, и, чтобы не порвать тонкие страницы, ему пришлось пару-тройку раз лизнуть кончики пальцев языком, чтобы те не скользили по гладкой велени.

— Благодарю.

¹ Хроника описывает деяния Пястов — первой польской княжеской и королевской династии, легендарным основателем которой был крестьянин Пяст.

Отложив книги в сторону, юноша едва заметно улыбнулся, и литовский дипломат тут же использовал благоприятный момент:

— Государь-наследник, могу ли я спросить вас?.. Какими вы видите отношения меж царством Московским и Великим княжеством Литовским?

В двери неслышно проскользнула очень красивая служанка, поставившая на стол кубки удивительно прозрачного стекла на витой золотой ножке, после чего наполнила один из них вином, а второй — фруктовой водой.

— Отношения меж нашими государствами определяет мой отец, великий государь Иоанн Васильевич, и Дума боярская, я же пока не завел на этот счет своего мнения.

Незаметно потерев внезапно зачесавшуюся ладонь и ничуть не разочаровавшись столь расплывчатым ответом, магнат продолжил свой напор:

— Но вы ведь понимаете, что даже худой мир лучше доброй ссоры?

В ответ царевич лишь согласно кивнул, продолжая внимательно смотреть на гостя невозможно-яркими синими глазами. Кстати, подтверждая тем самым еще один слух.

— А вы не знаете, что именно думает великий князь... о целях нашего посольства?

Ладонь у мужчины зудеть перестала, зато внезапно начало покалывать в висках.

— Знаю.

Сказано это было легко и вместе с тем так, что каштелян трокский невольно выпрямился, чувствуя, что узнает сейчас что-то важное.

— И что же он... решит?

Отпив из кубка, будущий государь чуть-чуть тряхнул головой, убирая с глаз одинокую прядь:

— От вас зависит, радный пан.

— Простите, государь-наследник, не понял. Как это?

Отставив питье прочь, синеглазый хозяин покоев вновь едва заметно улыбнулся, но заговорил с гостем совсем о другом:

— В свое время на землях Востока придумали довольно занятный способ устранения неугодных. Бралась рукопись, же-

лательно редкая, и яд определенного вида. Затем этой отравой пропитывалось несколько страниц — не больше дюжины, и желательно так, чтобы они слиплись. После чего книгу подносили в дар, и новый хозяин, пытаясь ее прочесть, волей-неволей касался своей смерти, добровольно принимая ее внутрь, когда смачивал слюной кончики пальцев... Чувствуете, как яд распространяется по вашим жилам? Занятное ощущение, не правда ли? Впрочем, я продолжу. Познакомившись с этими милыми восточными традициями во время Крестовых походов за освобождение Гроба Господня, монахи католических орденов, а также некоторые итальянские и испанские аристократы внимательно их изучили. А со временем начали потихонечку использовать.

Слушая размеренный и вместе с тем благожелательный голос хозяина покоев, Юрий Ходкевич поначалу подумал, что над ним жестоко шутят.

— Впрочем, кто-то и не потихоньку, например, Родриго из рода Борджиа, избранный в свое время папой Римским под именем Александра Шестого, был весьма талантливым отравителем...

Однако в том, что все всерьез, его убедило собственное тело. Нарастающий жар во рту, как будто он по ошибке съел добрую меру жгучего перца; усиливающаяся слабость и легкое головокружение; покрасневшие и начавшие опухать пальцы. Те самые пальцы, которыми он листал слипшиеся пергаментные страницы!..

— Это лишнее.

Оглянувшись, глава Великого посольства против своей воли слегка дернулся, потому что дворцовая стража как раз неслышно отходила назад, убирая боевые ножи.

— Радный пан, я слабо разбираюсь в законах и установлениях Великого княжества Литовского и королевства Польского. Вы не подскажете, как у вас казнят отравителей, посягнувших на жизнь короля или его наследника?

Попытавшись встать, дабы с честью ответить на прямое обвинение, родовитый шляхтич вдруг понял, что не чувствует ног. Совсем. Вдобавок виски и лоб вдруг резко пробило испариной.

— Государь-наследник...

Слава богу, руки его пока слушались, хотя уже едва заметно дрожали — приложив ладонь к сердцу, мужчина неловко поклонился:

— Клянусь всем, что у меня есть, я не знал!..

Против своей воли Юрий Александрович поперхнулся, потому что необыкновенно яркие глаза царственного юноши вдруг засияли белым светом, превращая его в подлинного ангела. Ангела Смерти!..

— Что же ты замолчал? Говори, я слушаю тебя.

— Призываю в свидетели Бога — я невиновен!!!

Сиявший небесным огнем взгляд резко утратил свою силу.

— Он тебя не слышит... Как, впрочем, и любого из католиков.

Встав, царевич приблизился и плавно перекрестил кубок с вином.

— Зато услышал я. Пей.

Изо всех сил стараясь не торопиться и все равно проливая на грудь драгоценную влагу, магнат влил в себя противоядие, а его спаситель как-то мимоходом глянул на одного из стражей, тут же выскользнувшего за дверь.

— У тебя есть враги?

Чувствуя, как возвращается к нему жизнь, Юрий Александрович позволил себе осторожно кивнуть.

— Кто из них ненавидит тебя более всех?

Чтобы ответить, сорокадвухлетнему вельможе рода Ходкевичей не понадобилось долго вспоминать или предаваться мучительным размышлениям:

— Радзивиллы!..

— Вот как? Не думал, что им настолько выгодна неудача Великого посольства.

Тихий стук двери за его спиной отвлек каштеляна трокского и старосту белзского от кровожадных мыслей.

— Как зовут твоих слуг?

Со слабым удивлением поглядев на своих подручников (до них ли сейчас?), доставленных стражей в покои, глава Великого посольства нехотя ответил:

— Чеслав и Сбышек.

— Они верны тебе?

В ожидании ответа царевич взял в руки «Записки о Московии» и лениво их полистал.

— Да, государь-наследник.

— Хэк!..

Дворцовый страж одним смазанным от скорости движением вышиб сознание из Чеслава, после чего быстро уволок его безвольное тело за дверь. Шарахнувшийся в сторону Сбышек в покоях тоже надолго не задержался, но ушел своими ногами, явно не понимая, чему именно он только что стал свидетелем.

— Ты ошибаешься, радный пан, не все из твоих слуг верны именно тебе. Некоторые получают свои тридцать сребреников совсем от другого господина.

Отбросив творение фон Герберштейна прочь, первенец великого государя Московии учтиво кивнул:

— Я благодарю тебя за твой ТРЕТИЙ дар, думаю, батюшке будет очень интересно, кто именно хочет моей смерти и неудачи Великого посольства.

— Но?..

— Возможно, тебе дадут прочитать допросные листы.

Вновь тряхнув головой из-за непослушных прядей, царственный юноша милостиво улыбнулся:

— Думаю, что мелкое недоразумение с книжными страницами не выйдет за пределы моих покоев. Если, конечно, твой второй слуга действительно верен ТЕБЕ.

— Благодарю, государь-наследник!..

Видя, что хозяин покоев вновь стал высокомерно-равнодушен, литовский дипломат отчетливо понял, что аудиенция подошла к концу.

— Надеюсь, что произошедшее никак не скажется на... отношениях меж нашими государствами?

Встав (причем так, что и магнат поневоле вскочил следом), царевич подошел ближе к гостю.

— Не скажется; твое посольство еще только подъезжало к Москве, а решение по нему уже было принято.

подавив буквально рвущийся с губ вопрос (какое оно, это решение?!), каштелян трокский продолжил почтительно внимать, потому что голос его собеседника наполнился вдруг тя-

желой властностью и прерывать его осмелился бы только безумец.

— А что касается отношений меж мной и родом Ходкевичей, то... Общие враги сближают, не правда ли?..

Подняв левую руку, государь-наследник Димитрий Иоаннович медленно снял с мизинца простое кольцо темного янтаря, после чего и передал оное главе Великого посольства.

— Ступай.

Поклонившись так, как не кланялся и своему королю Польскому и Великому князю Литовскому Сигизмунду Августу, родовитый шляхтич прижал воистину царский подарок к груди. Еще раз поклонился и почтительно попятился к двери, находясь в полном смятении чувств. За довольно короткое время он ощутил дыхание смерти (причем не только своей, но и остального посольства — уж покушения на своего первенца великий князь Иоанн Васильевич никому бы не простил!), затем его исцелили, обелили его доброе имя и честь, нашли слугу-изменника... Какие намеки он услышал, какие предложения!!! Даже если Великое посольство окончится полной неудачей, для него самого и рода Ходкевичей оно принесло больше, чем он мог рассчитывать в самых смелых своих мечтах. Остановившись прямо посередине одного из дворцовых переходов, дабы внимательно оглядеть янтарное колечко, мужчина прочитал начальные слова «Символа веры», выгравированные на внутреннем ободке кольца. Взвесил его на руке и бережно убрал в тайный кармашек на поясе, пробормотав напоследок:

— Вот и не верь после этого слухам!..

ГЛАВА 2

В самом сердце Теремного дворца — царских покоях — вот уже третий день было неладно. Пользуясь тем, что Иоанн Васильевич на радостях от благополучного заключения «мира на вечные времена» с Великим княжеством Литовским отбыл со своей молодой супругой на соколиную охоту, в царский Кабинет проникли посторонние люди. Мало того, они начали там

громко и безбоязненно шуметь и вести совсем не государственные речи:

— Потихонечку опускай. Да говорю же тебе, тише! От так... Придави-ка здесь, а я пока расклиню.

Тук-тук-тук!..

— И охота тебе этот куль сквозь все три поверха тащить? Эвон в окошко сбрось, только не пришиби кого ненароком...

Бух!

— И-раз! И-два!..

Запах свежего дерева, горячего воска, сырой штукатурки и свежих красок буквально переполнял светлицу, где великий государь вершил свои державные дела.

— А что они делают? Мить?..

После звонкоголосого девчоночьего вопроса суета мастеровых моментально прекратилась, а сами они согнулись в низких поклонах перед наследником трона и его сестрой, девятилетней царевной Евдокией.

— Продолжайте.

Первым ожил постельничий дьяк, приглядывающий за мастеровыми. Затем вернулись к жизни скребки в руках у трех плотников, коими те «освежали» дубовые плахи пола перед воцелением. Вслед за ними начали шевелиться столяры, собирающие нечто непонятное на двух мощных опорах, а еще два плотника, как раз выломавшие из проема старое окно, бережно прислонили его к стене и стали готовиться к установке нового...

— Это наш подарок батюшке, Дуня.

Сначала осторожно, а потом смелее потрогав золотистые завитки тонкой стружки, малолетняя царевна немного удивилась:

— Наш?..

— Конечно, наш. Федор придумал узор, который выложили цветным стеклом по краям новых переплетов. Вон тот, видишь?

Дмитрий аккуратно приподнял кусок поскони, укрывающий временно снятые с новых окон створки, показав ей труды младшего из царевичей.

— Иван измыслил для батюшки новый стулец.

Еще одна посконная тряпка слетела прочь, открывая любопытному взгляду что-то вроде небольшого трона на четырех изогнутых резных ножках, обтянутого красным аксамитом и с вышитым на спинке золотыми и серебряными нитями большим двуглавым орлом.

— Присядь. Удобно?

— Ага. Мягкий. А ты что придумал?

— Стол. И вон те полки для свитков и книг.

Поглядев на покряхтывающих от натуги столяров, как раз укладываемых в обклад из мореного дуба мраморную столешницу, обтянутую плотным зеленым сукном, Евдокия внезапно надулась:

— А я ничего не подарила, да?..

— Как это ничего? Иди-ка сюда.

Подведя ее к длинному коробу и развернув тряпки на одном из свертков, лежащих в нем, Дмитрий покачал в руке красивый подсвечник из светло-зеленого оникса.

— Не узнаешь?

На всякий случай шмыгнув покрасневшим носиком, девочка взгляделась:

— Нет.

Ничуть не огорчившись, старший брат порылся среди свертков, вытащив на свет божий точеную чернильницу.

— А это?

— Тоже нет!

Завернув в тряпицы оникс нежно-бежевого цвета, первенец Иоанна Васильевича запустил руку глубже, явно выискивая что-то конкретное. Нашел. Сначала стаканчик для разноцветных чертилок, затем точилку для них же, исполненную в виде оскалившего пасть медведя. Ну и напоследок — палочки со стальными перьями-наконечниками.

— Ой! Помню, я его рисовала!..

Девичий ноготок поскреб темно-коричневого медведя по вздетой для удара лапе. Затем в тоненьких пальцах оказались золотая и серебряная палочки для письма, которые девятилетняя царевна тоже как-то рисовала, заодно придумывая им форму. Между прочим, не просто так, а по просьбе старшего

брата! А он, значит, даже не сказал!.. Легонько дернув за серебряные пряди, Евдокия притворно обиделась:

— Обманщик. И притворщик. Бяка!..

Хмыкнув, любимый братик стянул с нее расшитый крупными жемчужинами волосник, после чего, не обращая никакого внимания на возмущенное бурчание, погладил старательно заплетенные косички.

— Пойдем, не будем тут мешать.

Строптиво топнув ножкой и вырвавшись из родственных объятий, Дуня уже непритворно расстроилась. Едва-едва пришли, она еще толком ничего и не рассмотрела, а уже уходить?.. Вот еще!

— Не пойду! Я на тебя обиделась!..

Бум-бздынь!

От неловкого движения столяра слетела на пол и рассыпалась коробка с коловоротом и сменными насадками-сверлами, Евдокия же разом оказалась за спиной брата, опасливо выглядывая из-под его правой руки.

— Жаль. А я как раз думал почитать с тобой какую-нибудь сказку. Может, даже и новую...

Стоило ему отвернуться и отойти буквально на пару шагов, как сзади прозвучал пронизанный обильными сомнениями голос девятилетней привереды:

— Новую? А про что?..

— Какая разница. Ты ведь обиделась, а значит, и читать ничего не будем.

— Ну, Ми-итя!.. Скажи, какую?

Резко остановившись — так, что сестра буквально ткнулась ему в спину головой, Дмитрий вроде как нехотя развернулся:

— Даже и не знаю. Ты ведь, поди, еще и мой урок не сделала?

Вместо ответа девочка прикрыла свои чудесные голубые глазки и на пару мгновений замерла.

— Какая ты у меня умница!.. Что же, по трудам и награда — выбирай сказку сама.

— Хочу про Аленький цветочек!.. Ой, нет — новую хочу! А как называется?